

Журнал политической мысли России

Политический Класс

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Русская утопия

Национальная идея в фантазиях и в реальности

Метафизика

Современная русская политическая философия

Первые лица

Символы веры тех, кто делает политику

Тактика

Партии, блоки, коалиции, программы, выборы

Политика

Что власть может предложить обществу,
чего общество ждет от власти?

Стратегия

Наиболее интересные сценарии и прогнозы
общественного развития

Журнал
для думающего человека
современной России
Главный редактор -
Виталий Третьяков

В каждом номере
публикуется рейтинг
100 самых влиятельных
политиков России

Подписка на журнал
осуществляется
через редакцию:
119002 Москва,
пер. Сивцев Вражек,
д. 29/16, офис 415
тел. 241-23-98,
тел./факс 241-27-73

Виталий ТРЕТЬЯКОВ:

«Я, БЕЗУСЛОВНО, СТОЮ ЗА ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ»

Третьяков Виталий Товиевич

– Виталий Товиевич, последний раз мы с Вами встречались лет шесть-семь назад, еще на Мясницкой, когда Вы возглавляли «Независимую газету». Сейчас Вы руководите еженедельником «Московские новости», где когда-то работали заместителем главного редактора. Интересно было бы узнать, как сложилась Ваша жизнь между двумя этими назначениями – между работой там и здесь.

Создатель «Независимой газеты», журналов «Мировая энергетическая политика» и «Политический класс». Кроме того, В.Третьяков – автор и ведущий программы «Что делать?» на телеканале «Культура», с мая 2002 по декабрь 2005 года – колумнист «Российской газеты». Автор книг: «Горбачев, Лигачев, Ельцин. Политические портреты на фоне перестройки (1990)», «Титус Советологов. Их борьба за власть. Очерки идиотизма российской политики» (1996), «Русская политика и политики в норме и патологии» (2001), «Как стать знаменитым журналистом» (2004), «Нужен ли нам Путин после 2008 года?» (2005). Только что вышла в свет его последняя книга «Бесхребетная Россия». В настоящее время главный редактор газеты «Московские новости». Кавалер Золотого почетного знака «Общественное признание» в номинации «СМИ и информационные технологии»

С Президентом РФ В.В. Путиным

– Ну, если коротко, это было так: сразу после ухода из «Независимой газеты» я создал стопроцентно независимую издательскую группу. Так она и называется: «Закрытое акционерное общество «Независимая издательская группа». Эта компактная структура в случае необходимости могла быть развернута в более широкий вариант, а в периоды, когда ей нечем было особенно заниматься, она сжималась до нескольких человек: я, как генеральный директор, не получающий там, естественно, зарплату, бухгалтер, мой секретарь, вот, пожалуй, и все. И, ясное дело, что хотелось чего-то более масштабного. У меня сохранялась телевизионная передача «Что делать?», она до сих пор выходит в эфир на канале «Культура» и я очень доволен этим проектом, мне он нравится, в нем интересно работать. В свое время этот проект получил даже премию «ТЭФИ». На сегодняшний момент вышло уже более 160 выпусков. У передачи очень хороший, устойчивый рейтинг, образовалась своя постоянная аудитория, которая постоянно расширяется. И в период, когда на российском телевидении практически не было аналитических политических передач, она оставалась чуть ли не единственной, – или одной из немногих, – где остро и откровенно обсуждались политические проблемы, культурологические, естественно, тоже. Сейчас в иной форме многие из аналитических программ вос-

становились, но я считаю, что передача «Что делать?» все равно не потерялась для знающей и мыслящей аудитории, ее смотрят. Другое дело, что телевизионные критики, – ну, это вообще странный народ, – ее практически не замечают. Бог им судья, я к телевизионной славе не стремлюсь.

Возвращаясь к Независимой издательской группе, хочу сказать, что у меня были планы создания новой общенациональной газеты – небезытересные и небесполезные. Но денег у меня самого не было в нужных объемах, а те люди, с кем я говорил, и кто отнесся к этой идее с интересом, все-таки не решились выделить на это дело свои финансы. Короче говоря, с газетой не получилось. Тем не менее, по инициативе и в сотрудничестве с МГИМО в 2002 году я создал журнал «Мировая энергетическая политика». Журнал довольно успешно, на мой взгляд, развивался; появились люди, которые захотели вложить в него деньги, и выкупили у меня и у МГИМО это издание, но повели себя странно. Такая загадочная история. Почему-то они и погубили этот журнал. Я уже ко многому привык, и особо в этом не стал разбираться. Но желание создать что-то новое в политической журналистике не покидало меня.

– **И тогда на свет появляется журнал «Политический класс»...**

– ...который завершил второй год своего существования и начал третий. После ухода из «НГ» я год по

просьбам различных изданий, как российских, так и зарубежных, писал отдельные материалы, но никуда постоянно. При этом не оставляя надежду создать все-таки свое издание, где бы я мог выступать регулярно. Это не получилось. И в мае 2002 года я согласился с предложением Владислава Фронина, главного редактора «Российской газеты», который очень сильно ее поднял, вести по четвергам ежемесячную колонку «Точка опоры», как я ее назвал. И, собственно, до того, как я подписал контракт с владельцами «Московских новостей» в начале прошлого года, я эту колонку там вел. Выступал регулярно, не подвергаясь никакой цензуре, писал, в том числе и большие, полосные материалы. И был очень доволен этим сотрудничеством, и благодарен за него. Помимо этого состоял членом различных политологических клубов и ассоциаций. Понятное дело, что как всегда бывает в таких ситуациях, часть людей – друзей, хороших знакомых и прочих – от тебя максимально отдаляются и перестают куда-то приглашать. Я, собственно, к этому был готов, давно уже насытился разного рода тусовками, особо от этого не страдал. Но, естественно, зафиксировал это в своем сознании – то, что здесь все пошло так, как и должно пойти, как обычно себя и ведут люди в такой ситуации.

– **Ну, Третьяков – это имя в журналистике.**

– В данном случае говорю не о себе, а как другие воспринимают ситуацию, когда перестаешь быть номенклатурным человеком. Да, я как раз сразу после ухода из «Независимой газеты» начал вести в МГИМО по просьбе ректора Анатолия Торкунова курс аналитической журналистики, и до сих пор продолжаю, хотя хронически не хватает на это времени. И почти с каждого курса, который я веду, прямо со студенческой скамьи беру в разные свои издания одного, иногда двух наиболее способных молодых журналистов. За это время вышло из печати несколько моих книг. В основном это сборники статей, которые печатались в «Независимой» и в «Российской газете», в том числе и книга «Нужен ли нам Путин после 2008 года?». На основе лекций, которые я читал в МГИМО, я написал книгу «Как стать знаменитым журналистом» –

это своеобразный учебник по теории и практике современной русской журналистики. Только что вышла в свет моя последняя книга «Бесхребетная Россия», но я уже полгода пишу новую. Так что от недостатка работы, – тем более что не умею ничего не делать, – я точно не страдал. Другое дело, что не было в руках большого издания.

– **И вдруг предложение от господина Гайдамака...**

– Да, но я с ним не был даже знаком. За это время периодически возникали слухи о том, что меня куда-то назначают. Самый активный из них, что в газету «Известия». И действительно, он основывался на некоторой реальности, но, насколько я понимаю, владельцам «Известий» моя кандидатура не подошла. От себя могу добавить, что никаких переговоров на сей счет не вел. Предложение возглавить «Московские новости» поступило неожиданно. Я их получал в пачке газет, просматривал, но внимательно не следил. Это был тонкий еженедельник, – хотя некоторые ежедневные газеты выходили большим к тому времени объемом, – жесткой, оппозиционной, скажем так, антикремлевской, антивластной направленности, имеющей свою соответствующую аудиторию. В этом смысле к нему был интерес, но не более того. В общем, по сравнению с тем расцветом «Московских новостей», который наблюдался во времена Егора Яковлева, конечно, это была существенная разница...

– **...небо и земля.**

– Да, не очень привычное положение для этой громкой торговой и журналистской марки. Так что, с одной стороны, это, естественно, меня заинтересовало; с другой, мне новый владелец был совершенно неизвестен, точно также как и его воззрения на концепцию издания.

– **Какие-то установки от него, в том числе и политические, исходили?**

– Установок политических не исходило. Но, естественно, как владелец, он описал свое видение ситуации и какой бы он хотел видеть газету. И здесь мы с ним сошлись. Первое – у него, безусловно, государственническое отношение к России, в целом это и представляет внутреннюю и даже идейную установку. Он не собирался с

помощью газеты громить власть, громить Россию, указывая в каждом номере и в статье на многочисленные реальные и мнимые поражения, неудачи, неурядицы и прочее. Второе – он хотел, чтобы газета максимально возродила свое политическое влияние. Ясно, что она, как и всякая качественная газета, не может быть массовой, да и гигантский тираж мы не в состоянии обеспечить, но «Московские новости» должны быть влиятельным изданием. Дальше мы обсудили коротко, что значит «влияние», потому что по-разному можно влиять. Во всяком случае, близкий мне подход к журналистике, когда влияние достигается не за счет работы в одном направлении, на одну команду, – неважно, кремлевскую или антикремлевскую, – а за счет представления всех значимых точек зрения, при том, что лично ты придержишься какой-то одной из них, будет осуществляться. Я, безусловно, стою за возрождение России, а не за перенос, особенно бездумный, западных образцов на нашу почву, тем более что очень часто они просто нам не подходят. После того, как наши общие позиции совпали, я дал согласие, и с начала прошлого года руковожу изданием газеты.

– **На пресс-конференции перед вступлением в должность Вы обещали революционные преобразования. Революция состоялась?**

– Уточню, тогда я говорил об «эволюционной революции». На сегодняшний день она еще не состоялась до конца, частью по объективным, частью по субъективным причинам. Действительно, существует большая проблема в здании и помещении, в котором мы находимся. За последние 15 лет я впервые имею такой маленький и неудобный кабинет. Плюс месторасположение газеты, которая всегда много работала с авторами, где они любили проводить часть своей жизни, а нахождение на этих выселках (Загородное шоссе, д.1) – это, конечно, само по себе ненормально. Владелец газеты сразу понял это и без меня, – но мы с ним потом дополнительно обсудили эту проблему, – и купил здание в центре Москвы, на Ильинке. Планировалось, что этот переезд состоится в середине осени прошлого года, чего пока не произошло, но вот-вот произойдет. Соответственно, под это автоматически подверстывался и выход на новую формулу издания. Все это задержалось. Но, тем не менее, за этот период газета в полтора раза увеличила свой объем: было 32 полосы, а с осени на 48-ми уже выходим. В два раза увеличился штат сотрудников, и сейчас он, как только в новое помещение переедем – тут места уже физически нет – еще в два раза увеличится, штат журналистский в первую очередь. Дальше мож-

С министром обороны РФ С.Б. Ивановым

С главой Торгово-промышленной палаты РФ Е.М. Примаковым

но уже описывать параметры самого издания: содержание, оформление – это тоже довольно сильно изменилось. А скоро изменится еще больше.

– А то, что Вы раньше были заместителем главного редактора этой газеты, как-то облегчило нынешний приход?

– Нет, за редким исключением с тех времен тут никого не осталось, так что повторного вхождения в одну и ту же реку не произошло.

– А когда видите «Независимую газету» на прилавках, внутри ничего не екает?

– Время сильно изменилось, и никакой ностальгии по этому поводу я не испытываю. У меня по-прежнему неоднозначное отношение к «Независимой газете» и ко всей истории связанной с моим уходом. С одной стороны, как человек, который эту газету придумал, создал и руководил одиннадцать лет, я, наверное, был бы доволен, если бы она с моим уходом исчезла, закрылась. Но с другой стороны, как человеку, который опять же ее создал, естественно, мне приятно, что это одно из немногих больших изданий, которое в трудный для страны, в том числе и для прессы, период выжило, и до сих пор выходит и, дай Бог, будет выходить еще много-много десятков лет. Тем более что формула газеты – я не говорю о том, какого содержания там сейчас печатаются ста-

тьи – осталась прежней. Система приложений, правда, их сейчас стало гораздо меньше, – тоже не изменилась. В этом смысле преемственность продолжается. А в любой более-менее значимой московской редакции, все равно есть люди, которых я знаю по работе в «Независимой газете», ставшие там известными журналистами. Ну, а так, чтобы что-то екало – нет, уже ничего не екает.

– Только что в разговоре со мной Вы употребили словосочетание «качественная газета». Что Вы вкладываете в это понятие?

– Приведу классическое определение: прежде всего – это газета мнений, работающая на достаточно образованную аудиторию. Это, безусловно, не бульварная газета. Не бульварная в том смысле, что не желтая, не занимается подглядыванием в замочные скважины. Ряд персонажей, который гуляет по нашим изданиям, на страницах качественной газеты никогда не появится, и уж тем более на первой полосе. И не массовая – в том смысле, что амбиций охватить все темы и максимум аудитории качественная газета тоже иметь не может. Но она должна отслеживать все значимые мнения и по возможности выбирать, что тоже нелегко, всю образованную и всю думающую аудиторию своей страны. Это газета влияния, и влияния в первую очередь на элиту,

как политическую, так и интеллектуальную. Это очень важно и интересно. В конечном итоге любая качественная газета – это своеобразная «фабрика мысли», только в журналистском, а не в академическом варианте. Сейчас вообще газеты переживают кризис, качественные в первую очередь. У бульварных и массовых как раз тиражи часто растут, и там, безусловно, присутствует коммерческий успех; а качественная газета, как правило, убыточна. Некоторые из них, претендовавшие на качество и вроде бы остающиеся такими, тем не менее, резко за это время поменяли свою стилистику. И особенно это проявляется в заголовках. Для меня довольно странно наблюдать в качественной газете заголовок фактически из желтой прессы. Я понимаю, почему это появляется – чтобы привлечь внимание к себе, расширить аудиторию. Но этот стилистический диссонанс я вижу, чувствую, и он меня коробит. Таковы правила игры на современном рынке, и на журналистском в частности. Но все равно качественная пресса суммарно это газеты и журналы влияния, а не широких читательских интересов и охвата широчайших масс аудитории.

– Я у всех руководителей печатных изданий при случае интересуюсь: нет ли в будущем опасности, что Интернет заменит газеты?

– Это предмет постоянной, временами активно ведущейся дискуссии. То, что пока я вижу в Интернете, говорит о том, что, возможно, мы еще не дошли до какого-то качественного здесь изменения. Меня пугает только одно: появление Интернета и интернет-версий газет как раз больше всего ударило по качественной прессе. Потому что те, кто интересуется общественной информацией, образованные и более-менее обеспеченные люди, жертвующие даже хлебом ради информации – они, естественно, в большинстве своем «живут» в этом самом Интернете, в отличие от аудитории бульварных газет, которая любит покупать газеты в киоске. И эти интернет-версии самих же качественных изданий убивают бумажные версии – их меньше покупают, меньше становится доходов, меньше рекламы, и т.д. Вот в этом смысле, конечно, Интернет подсунил им большую сви-

ню. Как альтернатива журналистике печатной – Интернет пока еще не сопоставим с телевидением, которое гораздо больше негативно повлияло на печатную журналистику. Пока содержательно Интернет я рассматриваю, – на что обижаются интернетчики, – как феномен, хорошо известный людям, которые жили в советский период. Учасье в школе, работая в разных коллективах, бывая в клубах, они всегда имели перед глазами, когда проходили по коридору, стенгазету. Обычно она выходила к восьмому марта, седьмому ноября, первому мая и к Новому году, то есть четыре классических выпуска. Где-то это было интереснее, где-то совсем официально и скучно. Существовали редколлегии и при них всегда были свои графоманы, которые писали заметки в эти стенные газеты. Так что пока для меня Интернет – это гигантская электронная стенная газета, где каждый графоман может оставить свою запись, иногда небезытересную. Но жить на основе Интернета, жить на основе стенной газеты невозможно настоящему думающему человеку, воспитанному на классическом понимании текста.

Наверное, здесь я не совсем прав, потому что сейчас мне приносят все чаще и чаще статьи, где вся фактура почерпнута из Интернетовских источников. Кроме того на сегодняшний момент Интернет, конечно, самое оперативное средство массовой информации. Другое дело, что там можно проверять эту информацию быстрее даже, чем ранее, практически ментально. Но все-таки пока это только технология передачи информации, облегчающая доступ к ней, технология – не альтернатива журналистике, поскольку, повторяю, там журналисты самостоятельные во многом. И второе – Интернет – это особая культура, в первую очередь для молодежи, такая информационная субкультура. Конечно, она отталкивает молодежную аудиторию от классических газет. Но чтобы Интернет совершенно вытеснил классические печатные издания – я этого пока не вижу. Потеснил, но не вытеснил. И я думаю, что это не скоро произойдет, потому что все-таки книга останется для академически образованного человека, – а это, так сказать, соль интеллек-

туального класса, – на первом месте. Она всегда будет ценнее, чем газета, газета – поскольку это печатная продукция – ценнее, чем электронные носители, хотя пользоваться будут и тем, и другим, и третьим.

– **«Московские новости» на своих страницах как-то отражают деятельность Общественной палаты?**

– Если там действительно что-то интересное происходит, то отражаем. Самые активные члены Общественной палаты и так у меня как авторы всегда выступали. Во всяком случае, в политической, в политологической части. Что касается самого института Общественной палаты, я по-прежнему отношусь к нему с большим скепсисом. Наша политическая система довольно несуразна в силу многих причин. Плюс сама демократия далеко отошла от классических книжных образцов. И вообще что-то происходит в общей политической конструкции мира. Куда-то мы движемся. Я предполагаю, что мы уже все находимся в постдемократии, в западном мире нарастают авторитарные тенденции, часто замаскированные под демократические. Мы вступаем в некий век неавторитаризма, как всегда бывает в человеческой истории, когда одно сменяет другое, то есть линейного прогресса нет, движения от худшего к лучшему – такого нет, хотя многие по-прежнему так думают.

Кстати, советская идеология приучила нас к тому, что жизнь человека – это движение от худшего к лучшему, жизнь общества – от худшего к лучшему. Это называется прогрессом, и он должен быть всегда, что не соответствует даже физиологической жизни, поскольку человек рождается и умирает. И какой здесь прогресс? Если смерть есть прекращение жизни индивидуума, то о прогрессе говорить не приходится. С момента рождения ты движешься, в общем-то, не в сторону лучшего, оказывается, а в сторону смерти как худшего по отношению к рождению. И нам всем, – на Западе и нам здесь в России особенно, поскольку мы вступили в демократию в период ее кризиса на Западе, там, где она родилась и классически существовала, – неплохо было бы задуматься о некоей возможной будущей политической конструкции, в первую очередь, нашего общества.

И я считал, и писал об этом: Общественная палата была бы ценна не как собрание интеллектуалов, которые, конечно, дают какие-то новые идеи власти, корректируют ее поведение, но не обязательно как собранные в единый узел лучшие представители гражданского общества. Все общество не может влиять на поведение власти и бюрократического аппарата, а отобранная когорта лучших, им такое право дано, и каналы соответствую-

С женой Ольгой и с семьей Горбачевых

В кругу коллег

щие были проложены. На мой взгляд, это все довольно спекулятивные схемы, они не сработают до конца. А вот как прообраз будущего парламента в новой политической системе, такой протопарламент, палата интеллектуалов будущего парламента, где должны быть представлены власть, то есть палата бюрократов, грубо говоря, народ, общество – палата представителей, и вот этот интеллектуальный класс, который никогда не сливается до конца ни с обществом, ни с властью. Палата интеллектуалов, свободно мыслящих людей, без ответственности. Никакой ответственности, кроме интеллектуальной. Ну, какой-то элемент гражданской или общечеловеческой ответственности, конечно, всегда должен быть. Вот в этом смысле мне была бы интересна Общественная палата. В этом я видел бы ее максимальную ценность для России и вообще для будущего европейской цивилизации, в которую Россия, безусловно, входит, составляя отчасти большую и уж точно не худшую ее часть. Но развитие пошло по другому пути. Я думаю, что это не очень удачный путь. Какая-то реакция на отдельные общественные конфликты. Полкомитет народного контроля, полревизионная комиссия ЦК КПСС, вот что-то такое. Я думаю, что реальных, больших целей Общественная палата не достигнет на этом пути, и рано или поздно она тоже переживет некий кризис и, на мой взгляд, либо ради-

ально трансформируется – либо в то, что я предлагаю, либо во что-то другое, но действительно оригинальное, – либо потихоньку стагнирует и исчезнет как структура общепатристическая.

– Власть и пресса по своей природе находятся как бы в конфликте. Насколько вообще возможно взаимодействие между ними?

– Мы отошли от классической и реально существовавшей какой-то короткий исторический период на Западе схемы четырех ветвей власти – трех формальных и одной неформальной и вроде бы независимой: законодательной, исполнительной, судебной и четвертой власти – прессы. Как голоса общественного мнения. Ключевой момент здесь, конечно, середина XX века: общество потребления, общество массовой культуры, приход телевидения как самого мощного средства массовой информации, через которое очень легко и неизбежно осуществляется манипуляция общественным мнением и поведением. Можно только говорить о том, насколько тонка в той или иной стране эта манипуляция, насколько она разнообразна и насколько учитывает интересы многих или немногих; но то, что в любом демократическом обществе эта манипуляция происходит, сомнений у меня нет. С помощью телевидения можно одномоментно организовать революцию. Если вдруг телевизионные журналисты какой-то

страны между собой договорятся, они за неделю раскачают общество до состояния революции. Тут не нужно даже быть семи пядей во лбу. Ну, конечно, успокоить народ сложнее, но и это тоже может телевидение. Вот газеты сейчас не могут. Раньше могли то же самое сделать. Не случайно Ленин прямо говорил, что построение политической партии, которая потом возьмет власть, нужно начинать с создания газеты. А сейчас, если уж нужно начинать, то с создания телевидения.

– Общественного?

– Неважно какого. На телевидение можно нанизать все, что угодно. В этом смысле взаимодействие всех четырех ветвей власти у нас более открытое, наглое, примитивное; на Западе – более скрытое, рафинированное. В основном это можно проследить по отражению образа России, и мы это прекрасно видим. Как что-то случается, так вся западная пресса одновременно и моментально пишет одно и то же о России. Но если это плюралистическое общество – такого же не может быть, должно быть три, четыре, пять точек зрения, а не так, что одна доминирующая и чуть-чуть тех, кто немножко с этим не согласен. Поэтому пресса данной страны так или иначе контролируется – впрямую или не впрямую – политическим классом этой страны. А политический класс данной страны, как правило, означает, через систему внешне демократических выборов состав парламента, правительство и президента. Если рассматривать такую конструкцию, то это прекрасно видно на американской модели.

– Тогда не кажется ли Вам, что сейчас на повестку дня выносятся вопросы, которые наиболее выгодны партии власти?

– Да, чаще всего так, если не происходит какого-то спонтанного кризиса, потому что все-таки никогда нельзя все контролировать в обществе. Можно говорить о том, где пресса более независима, не нужно только говорить, что от власти. Власть – это часть правящего класса, это конкретные люди из правящего класса, которые на сегодня выполняют конкретные государственные функции. Вот конкретно от этих людей, может быть, достаточно независимы какие-то

главные редакторы. Но главные редакторы всех крупных изданий, тем более, телевизионных каналов, входят в правящий класс. Будучи частью правящего класса – левое это издание или правое, либеральное или консервативное – все равно не может не работать в целом в интересах правящего класса, это совершенно очевидно. Журналисты – не изгои, и у них хорошие зарплаты в демократических странах. А у главных редакторов – очень хорошие зарплаты, они не могут стать полностью на точку зрения обездоленных или даже всего общества. И функция прессы отражать только интересы общества, то есть не власти, и бросать власти в лицо разоблачения и обвинения – безусловно, существует, но во взаимодействии с другими – в частности, с функцией прямо противоположной: управления со стороны правящего класса обществом посредством СМИ. Для меня это совершенно очевидно. Нельзя сказать, что мы только обличаем власть, а вот те, другие, только манипулируют в интересах власти. Это происходит одновременно фактически в деятельности каждого журналиста, с какими-то там нюансами, с какими-то деталями. Это важно знать, понимать, тогда ты реально представляешь свое положение как журналиста или как главного редактора в этом мире. В конечном итоге оппозиционная пресса – кроме подпольной печати – вся является фактически системной оппозицией, если она оппозиционна. А системная оппозиция – это все-таки не революционная оппозиция, не те, кто идет на свержение. Системная оппозиция – это те, кто входит в этот же правящий класс, и могут прийти к власти через какой-то там избирательный цикл. Так все и происходит: либо слишком просто, либо слишком сложно, но в любом случае это так.

– Могут ли новые поправки в избирательное законодательство поставить барьер на пути к власти криминальным структурам?

– Это большая, сложная проблема. Конечно, наше избирательное законодательство несовершенно. Другое дело, что, опять же повторяю, я вижу кризис классической демократической модели в целом. Через систему выборов все равно приходят к власти не те, кого, собственно, хотел

бы народ, а, по крайней мере, те люди, которых правящий класс поставляет народу в качестве кандидатов и из них позволяет выбирать тех, за кого народ больше склонен проголосовать. Но все они все равно из когорты, представленной правящим классом. Поэтому нюансировка – там, где лучше избирательная система, а где хуже – здесь не очень важна, потому что классический демократический процесс пробуксовывает всюду.

Я, например, считаю, что отмена статьи «против всех» – это нормально: тот, кто против всех, может не ходить на выборы; может прийти и порвать свой бюллетень; может прийти и зачеркнуть всех.

– А отмена минимального порога явки?

– Что касается минимального порога явки, то аргумент власти был такой: во всех классических демократиях порога явки не существует в законодательстве. И в этом смысле Россия с порогом явки попадала в список как раз недемократических государств. Сама по себе отмена порога не очень важна, потому что если при отменном пороге на выборах 60 процентов избирателей, то неважно, какой там порог. А если при не отменном пороге на выборы пришло 20 процентов, а порог 50 процентов, то выборы не состоялись; и, следова-

тельно, они не состоялись и в следующий раз, и в следующий, и все равно власть должна принимать решение – какого-то начальника нужно ставить, кто-то же должен руководить жизнью отдельной территории.

– А с другой стороны, одна воинская часть может проголосовать и...

– Конечно. В общем, вся наша избирательная система находится в таком, я сказал бы, институциональном и идейном содержательном тупике. Почему я и говорю, что мы находимся в постдемократической системе, нужно придумывать что-то иное, не думая, что по-прежнему демократия – это власть народа, и народ напрямую избирает состав парламента. Так непосредственно давно и нигде уже не происходит.

– А что же тогда получается – власть чиновника? Хочу – карая, хочу – милую?

– Власть правящего класса. Он подбирает чиновников, он подбирает кандидатов для рядовых избирателей. Поэтому к этим изменениям я отношусь спокойно: не вижу в них большого резона, но и не нервничаю особенно по их поводу. О России нужно говорить особо, как об особой политической конструкции, где, безусловно, в силу гигантской территории, которую нужно держать скрепленной

В Ханты-Мансийске – с участниками местного фольклорного коллектива

В Алма-Ате на презентации журнала «Политический класс»

постоянно, власть должна быть таким ложником, который опирается на две палки: одну демократическую, другую – авторитарную или административную. Правда, есть такие мастера, кто и с одной палкой проезжает быстро по трассе; но все-таки с двумя надежнее, можно опираться то на одну, то на другую.

Маленькая фирма не руководится так же, как гигантская корпорация. В маленькой фирме можно собрание всех двадцати сотрудников провести демократическим путем, обсудить насущные проблемы: кризис, перепроизводство или недопроизводство. Конечно, начальник или владелец все равно примет сам окончательное решение. Но он может выслушать каждого и наравне со всеми участвовать в обсуждении. А в гигантской корпорации определенные элементы внутрикорпоративной демократии существуют на каждом отдельном уровне, но окончательное решение все равно принимается правящим классом данной корпорации, где тоже существуют споры, но окончательное решение однозначно расходится с тем, что бы предложили снизу все остальные члены корпорации. Как правило, они стоят за повышение зарплаты, уменьшение рабочего дня, увеличение отпус-

ков и т.д. Представить себе, чтобы эта гигантская корпорация управлялась бы абсолютно демократически, нельзя – она просто бы развалилась. В этом смысле все современные развитые большие государства, сложные общества – безусловно, такие корпорации.

Не случайно существует идея России как корпорации, временами некоторые мыслители предлагают даже довести это до формального принципа, до формальной схемы, когда каждый родившийся гражданин Российской Федерации сразу получает пакет акций этой корпорации, который является минимальным пакетом голосов. По мере того, как он в этой жизни развивается, растет, приобретает какую-то общественную роль, успешно или неуспешно работает на некоем производстве, его пакет в зависимости от этого либо растет, либо уменьшается. У активного члена общества – передового хозяйственника, бизнесмена или политика личный пакет может увеличиться до 20 голосов, у олигарха – до 100, а у бомжа – один голос, просто за факт его существования как гражданина. Таким образом, также происходит всенародное голосование, но только с разным пакетом голосов. В этой системе есть своя логика.

– Логика есть, но Вы берете крайние точки: олигарх – бомж. Представляете, что тогда сделают из страны олигархи?

– Существуют и не олигархи, и не бомжи, а те, у кого, условно говоря, 8-10 голосов. В этой конструкции понятная логика. Она совпадает с классической западной – индивидуалистской: ты имеешь право не ходить на выборы, значит, тебя все здесь устраивает, ты доверяешь более активным людям сделать выбор за тебя, и это твое личное дело. И в советской системе тоже присутствовала такая логика: человек с активной жизненной позицией был более ценен, чем просто выполняющий свои функции, не говоря уже о тунеядце.

– Все решается большинством голосов, но большинство же не может всегда быть право. И, скорее всего, оно бывает неправо.

– Вот именно потому, что большинство по многим вопросам не всегда бывает право, а часто неправо, поэтому и демократия начала ограничиваться сразу, как только стала расцветать. И вот эта элитарная демократия возникла тогда, когда люди поняли, особенно те, кто занимался реальной политикой, что если все отдать на решение народа, то, как минимум они потеряют свои посты и должности, а как максимум – общество может развалиться. Началась корректировка демократических процессов дополнительными государственными институтами.

– Так что же тогда получается? Власть придумала виртуальную игру – выборы, чтобы не быть переизбранной, а люди не идут на выборы, потому что не видят в списках ни достойных партий, ни лидеров, за которых они могли бы проголосовать?

– Да, партии у нас не растут. Это отдельная проблема. Я считаю, что в России вообще нельзя сложить настоящую многопартийную систему. Кризис партийной системы охватил все общества.

– Я для себя отметил, что Вы считаете идею создания Объединенной демократической партии бесперспективной?

– Реально не вижу такой перспективы. Но это не значит, что не нужно пытаться. Тут проблема вот в чем. Что

такое нормальная развитая демократия? Когда все ветви власти друг от друга независимы и основные решения принимает народ. А что происходит на самом деле? Прошли выборы. Избран президент, состав парламента, который формирует правительство. Правительство делает что-то: скажем, повышает налоги, чтобы вывести страну из некоего экономического кризиса. Пресса абсолютно свободна, она начинает оглашать свободные мнения своих читателей, среди которых при такой политике основное – это, естественно, «долгой правительство». И тогда, поскольку это непосредственно голос народа, правительство должно быть сменено по требованию общества, выраженному через прессу. Но в реальности так же не происходит. Пресса может писать «долгой правительство», а правительство все равно остается у власти, по крайней мере, до следующих выборов, и проводит свою политику, повышая налоги, против чего категорически выступает большая часть населения. На что оно рассчитывает? На то, что эта политика окажется эффективной и к следующим выборам народ почувствует от нее выгоду. И тогда...

– **...власть обращается к прессе, чтобы она ее поддержала в непопулярных мерах, которые она проводит.**

– Совершенно верно, то есть власть поступает недемократично. Потому что пресса, как голос общества, должна ориентироваться только на то, что говорят читатели. Однако пресса сама себя ограничивает, поскольку журналисты – это тоже в значительной степени часть правящего класса. Они считают, что понимают логику правительства, что народу действительно станет легче, но через некоторое время. А вот как в России сейчас сопрячь все в единое логичное целое – это большая проблема, но не через партию. Я совершенно не верю в создание этой самой многопартийной, западного образца системы. Не растут на русской земле партии сами по себе, как грибы после дождя. Они создаются искусственно. Я понимаю Кремль, когда он именно так и начинает их создавать, в надежде на то, что потом эта искусственная конструкция обретет реальной, живой политической плотью и всем станет хорошо. Но

подход-то опять-таки старый, а я со своим жизненным, политическим и журналистским опытом давно понял, что нельзя к жизни относиться как к прямолинейному процессу «от худшего к лучшему». Так не бывает.

Да, в 90-е годы при Ельцине партии росли, но на деньги олигархических структур, приватизировавших государственную власть, которая вообще-то принадлежит всему народу. Но у простых избирателей не было денег, тогда они вообще были нищие, зарплаты и пенсии годами не получали. Вот и выходило: вроде бы многопартийность есть, а демократии нет.

– **Вы – отец-создатель такого термина, как «управляемая демократия». Ну, а что подразумевается, на Ваш взгляд, под термином «суверенная демократия»?**

– Я его перевожу на русский язык, как «самодержавное самоуправление»: самодержавное – это суверенное, но не в монархическом, естественно, смысле, а демократия – это самоуправление. Этот термин я всячески поддерживаю, потому что вижу в нем содержательную ценность, возможность превращения его, действительно, в национальную идею, национальную идеологию, национальную стратегию России, без которых мы пока, к сожалению, живем, а это плохо по всем абсолютно причинам. Это означает, что Россия есть самостоятельный, абсолютно самостоятельный субъект международной жизни, не только сама Россия, ее народ в целом. Как низы народа разбираются при этом с верхами, с правящим классом – это важная, но отдельная проблема. Само общество российское, сам народ российский определяет, как ему жить, как ему взаимодействовать с другими субъектами международной жизни, самостоятельными субъектами, потому что самостоятельных субъектов по пальцам можно перечислить: США, Китай, Индия, Евросоюз в какой-то степени, Россия – вот по большому счету и все; все остальные, так или иначе, подчинены кому-то из этих субъектов.

Итак, мы сами выбираем, сами определяем внутренние законы своей жизни и внешних взаимоотношений. В рамках человеческой цивилизации нельзя сделать то, что нельзя сделать в принципе. Демократия в данном

случае имеет два смысла. Первое: мы ориентируемся на этом историческом этапе на демократическую или преимущественно на демократическую модель – не на авторитарную, не на деспотическую, а преимущественно на демократическую, сами определяя конструкцию, конкретные темпы строительства этой демократии, формы, а не берем бездумно западные. И второе: мы выбираем это не потому, что это модно сейчас, а потому что демократическими методами, то есть сопряжением разных интересов – и большинства, и меньшинства, верха и низа – эффективнее решаются многие, а, скорее всего, большинство проблем. Потому что опыт при Сталине тоталитарного, а при Брежневле – авторитарного Советского Союза показал, что наша страна принимала – как раз ввиду того, что навязывалась одна точка зрения – крайне неэффективные решения по стратегически важным вопросам, в результате чего Советский Союз и рухнул. И эта система распалась из-за того, что там минимально присутствовал демократический механизм.

Нам нет нужды брать западную конституцию, западную демократическую модель как более или менее подходящую, и соблюдать все, что там прописали какие-нибудь непонятно откуда взявшиеся эксперты ОБСЕ. В период войны почти вся демократия отменяется, в армии она не существует вовсе. А Россия находилась последние 15 лет, начальный период особенно, в полувоенном положении: все рушилось. О какой тогда демократии могла быть речь, о каких прозрачных выборах, когда все делили добро: собственность, земли, нефть, леса. Что там, олигархи демократически, что ли, нефть российскую делили? А ельцинские времена, как мы в то время считали, были более демократичными. Губернаторов, может быть, тогда избирали более демократично. Но почему-то многие самые одиозные из них и коррумпированные, безусловно – как сидели все на этих демократических выборах, при том, что народ жил плохо, все равно они на них побеждали. Демократично, но народу все равно ничего не оставалось.